

СРЕДНИЕ ВЕКА

ВЫПУСК

43

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

Е. А. КОСМИНСКИЙ КАК ИСТОРИК ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Академик Е. А. Косминский вошел в историю отечественной и мировой науки прежде всего как выдающийся исследователь английской средневековой деревни. При этом несколько в тени остаются его историографические исследования. Между тем история исторической науки неизменно вызывала его серьезный научный интерес, сохранявшийся на протяжении всей жизни. Не будет преувеличением утверждать, что после истории английского феодализма она образует вторую тему, пронизывающую все его научное творчество. Всего опубликовано около 40 историографических работ ученого, не считая многочисленных рецензий и библиографических обзоров, составляющих заметную часть его творческого наследия. Вот почему всесторонняя характеристика научной деятельности Е. А. Косминского невозможна без обращения к специальному изучению его историографических произведений.

После кончины Е. А. Косминского его ученики и коллеги много сделали для привлечения внимания широкой научной общественности к историографическому наследию выдающегося советского ученого. Были переизданы некоторые, в большинстве своем ставшие библиографической редкостью, историографические статьи Е. А. Косминского¹, а также впервые опубликован его курс лекций по историографии средних веков, читавшийся в течение ряда лет в Московском университете². Обоим изданиям предпосланы содержательные вступительные статьи, характеризующие историографические труды ученого, однако при всем значении этих статей, впервые поднявших проблему «Е. А. Косминский как историк исторической науки», всесторонне исчерпать ее они не могли.

¹ См.: *Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков.* М., 1963.

² См.: *Косминский Е. А. Историография средних веков (V — середина XIX в.).* Лекции. М., 1963.

Не претендует на это и настоящая статья. Мы попытаемся осветить историографический метод Е. А. Косминского, сосредоточив главное внимание на характеристике под этим углом зрения его лекций по историографии средних веков. Мы не будем входить в рассмотрение отдельных историографических оценок, делавшихся ученым³, полагая, что при всей их важности в творчестве исследователя такого масштаба, каким был Е. А. Косминский, наибольшее значение для нас сегодня имеют не те или иные конкретные положения, в большинстве своем ставшие прочным достоянием советской науки, а сам метод историографического анализа, применявшийся ученым. Обращение в таком плане к историографическому наследию большого советского ученого может оказаться полезным в решении актуальных задач, стоящих перед нашей наукой, в частности задачи создания новых полноценных историографических учебников и учебных пособий.

Определяя значение Е. А. Косминского как историка исторической науки, необходимо прежде всего подчеркнуть, что он был одним из основоположников советской марксистской историографии средних веков. Особенно велики его заслуги в марксистской разработке истории русской средневековья, пионером которой он по праву является. В его трудах, опубликованных в 20—40-е годы, были заложены основы общепризнанной сейчас в нашей науке концепции истории русской либеральной средневековья. Не останавливаясь на ее характеристике, отметим только, что уже в работах, посвященных русским историкам западноевропейского средневековья, ярко проявились характерные черты его историографического метода. По существу первым он поставил вопрос об изучении идейных истоков русской либеральной средневековья как необходимой предпосылки осмысления развивавшихся ее представителями исторических взглядов.

Показательна в данном отношении первая же статья Е. А. Косминского из этого цикла, опубликованная в 1926 г. Посвященная исследованиям А. Н. Савина в области английского феодализма, она в то время содержала некоторые общие принципиальные положения, сделавшиеся впоследствии отправным моментом в анализе советскими учеными русской либеральной средневековья в целом. В частности, в этой статье было высказано положение о связи истории и современности как методологическом принципе анализа конкретно-исторических воззрений того или иного ученого или целой научной школы. «В историческом прошлом западно-

³ Отнюдь не потому, что они сняты последующим ходом развития исторической науки. Как правило, они получили свое подтверждение и развитие в дальнейших исследованиях ученых-марксистов. Более того, в отдельных случаях его оценки представляются сегодня более обоснованными, чем сделанные позднее другими авторами.

европейских народов,— писал Е. А. Косминский, формулируя исходный пункт своего исследования работ А. Н. Савина,— русские ученые искали ответа на актуальные вопросы русского настоящего».

Конкретизируя это положение, он указывал на русскую пореформенную действительность как решающую причину сосредоточения П. Г. Виноградовым и его школой своих научных интересов главным образом на социально-экономических факторах общественного развития, пытаясь при этом проследить, как изменение исторической обстановки в России влияло на направление научных интересов этой школы, способствуя перемещению их центра из области раннего и развитого средневековья на позднее. Важно подчеркнуть также, что уже в этой первой своей историографической статье Е. А. Косминский трактовал связь истории и современности как категорию классовую, воплощающуюся в определенной системе идеологических отношений. Влияние пореформенной действительности на историческую науку преломлялось через известную классовую точку зрения. В данном случае это была точка зрения либеральной буржуазии, что и отмечал Е. А. Косминский, подчеркивая тесную связь дореволюционной медиэвистики с идеологией русского пореформенного либерализма⁴.

С годами круг историографических интересов Е. А. Косминского существенно расширился, включив в себя как критический анализ западноевропейской буржуазной исторической мысли, так и освещение основных направлений и итогов развития советской медиэвистики⁵. Параллельно с этим совершенствовался сам метод историографического исследования, применявшийся в его работах. В частности, более основательным стало рассмотрение идейно-теоретических взглядов отдельных ученых и школ, привлекавших его внимание, более развернутым, глубоким и точным сделался анализ их классовых позиций. Укажем в качестве примера на принадлежащую перу Е. А. Косминского историографическую главу в коллективном труде советских ученых по истории английской буржуазной революции⁶, с начала и до конца

⁴ См.: *Косминский Е. А. Исследования А. Н. Савина по истории Англии.*— В кн.: *Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма...*, с. 37—39.

⁵ Характеристику основных направлений историографических интересов Е. А. Косминского см.: *Гутнова Е. В., Сидорова Н. А. Научные труды и деятельность Е. А. Косминского.*— В кн.: *Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма...*, с. 17—20. Общую оценку значения Е. А. Косминского как историка исторической науки см.: *Гутнова Е. В. Евгений Алексеевич Косминский.*— ВИ, 1972, № 9, с. 58—59.

⁶ См.: *Косминский Е. А. Основные направления в историографии английской буржуазной революции.*— В кн.: *Английская буржуазная революция XVII века.* В 2-х т. М., 1954, т. 2.

произнанную классовым подходом к характеристике основных направлений в историографии революции. Понимание характера английской революции выступает здесь главным критерием, определяющим выбор авторов, взгляды которых рассматриваются в главе, в особенности их оценку. Тем самым на немногих страницах воссоздается динамика движения исторической мысли по одной из ключевых проблем истории, выступающая как отражение общих закономерностей исторического развития⁷.

Историографический метод Е. А. Косминского окончательно складывается во второй половине 30-х годов. В работах, созданных ученым в последние 20 лет жизни, отчетливо обнаруживаются характерные черты этого метода, позволяющие оценить его как выдающееся явление в советской историографии. В их числе отметим следующие: 1) рассмотрение конкретно-исторических взглядов отдельных ученых в широкой общеисторической перспективе; 2) последовательный историзм в их оценке; 3) стремление выяснить их идейно-теоретическую основу. Если попытаться в немногих словах выразить существо историографического метода Е. А. Косминского, то его можно определить как метод панорамного исследования. Прекрасный знаток материала, о котором он писал, ученый никогда не злоупотреблял своей поистине безграничной эрудицией. В историографическом анализе он избегал излишней детализации, концентрируя внимание читателей на самых существенных моментах, позволяющих наиболее адекватно раскрыть действительное содержание изучаемого вопроса, будь это взгляды А. Пиренна на историю Бельгии или историко-философские воззрения Вольтера. Метод Е. А. Косминского — это метод создания общей картины широкими мазками, позволяющими рельефно выделить наиболее важные ее элементы. О чем бы ни писал ученый, он стремился в первую очередь раскрыть главные черты, определяющие общий облик изучаемого им историка или школы, выяснить их место в развитии исторической мысли.

Этим объясняется пристальное внимание Е. А. Косминского к идейно-теоретическим аспектам историографического исследования. В идейно-теоретических позициях, которых придерживался тот или иной ученый, он ищет ключ к пониманию его исторической концепции и объяснению наиболее существенных сторон его конкретно-исторических построений. Рассмотрим в этом плане его статью «Анри Пиренн — историк Бельгии». Мы намеренно

⁷ Рассматриваемая глава показательна и в другом отношении. Она обратила пристальное внимание Е. А. Косминского к новейшим течениям зарубежной исторической мысли, что позволило ему, в частности, одному из первых в советской литературе указать на наличие прогрессивного направления в современной английской историографии. См.: Английская буржуазная революция XVII века, т. 2, с. 237—238.

оставляем в стороне такие работы Е. А. Косминского, как «Вольтер и историческая наука», «Памяти Т. Н. Грановского», «Реакционная историософия Арнольда Тойнби» и некоторые другие, непосредственно посвященные выяснению идейно-теоретических взглядов тех или иных ученых. Нам сейчас важно подчеркнуть, что и в историографических работах Е. А. Косминский неизменно обращался к выяснению мировоззренческих позиций интересующих его авторов как к необходимой предпосылке научного осмысления их исторических представлений. Именно так, в частности, он поступает в статье о Пиренне, предварявшей русское издание книги бельгийского ученого «Нидерландская революция» (М., 1937). Рассматривая в ней научное творчество Пиренна в связи с его концепцией Нидерландской революции, Е. А. Косминский в соответствии со своей целевой установкой — дать советскому читателю общее представление о выдающемся бельгийском историке — специально не акцентирует внимание на его идейно-теоретических взглядах. Вместе с тем именно в этих последних он стремится понять те или иные характерные особенности исторических представлений своего автора. Он указывает на два важных элемента методологии Пиренна — «экономизм» и крайний психологизм⁸, объясняя с их помощью отличительные черты его исторической концепции. Другой определяющий источник концепции Пиренна он усматривает в его классовой позиции⁹.

Таким образом, Е. А. Косминский получает необходимый отправной пункт для общего подхода к оценке исторических взглядов бельгийского ученого. В то же время в своем подходе он далек от вульгарного социологизма, полностью сводившего научное творчество историка к его мировоззрению. Он неоднократно отмечает обширную эрудицию Пиренна, его «большое историческое чутье», подчеркивает «несомненный демократизм», «широкую гуманность» бельгийского ученого, показывая, как эти черты отражались на его исторической концепции. В итоге достигается последовательный марксистский историзм в оценке такого сложного, внутренне противоречивого явления, каким являются исторические взгляды А. Пиренна.

Последовательное проведение принципа марксистского историзма в историографическом исследовании необходимо предполагает рассмотрение исторических представлений данного ученого в тесной связи с конкретными условиями того времени, когда они создавались. Поучительные примеры такого рассмотрения содержатся в историографических работах Е. А. Косминского. Сошлем-

⁸ Косминский Е. А. Пиренн — историк Бельгии. — В кн.: Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма..., с. 379.

⁹ Там же, с. 394.

ся, в частности, на его анализ философско-исторической концепции Вольтера. Рассматривая ее содержание, Е. А. Косминский последовательно стремится объяснить как сильные, так и слабые ее стороны той конкретно-исторической обстановкой, в которой работал Вольтер, и теми конкретными задачами, которые он перед собой ставил. Именно такой подход делает убедительным его трактовку понимания великим французским мыслителем движущих сил исторического развития. Выступая против распространенного взгляда о том, что история представлялась Вольтеру игрой случайностей, Е. А. Косминский апеллирует к мотивам, которыми руководствовался знаменитый просветитель в своем обращении к случаю как двигателю истории. Отмечая «нередкую манеру» Вольтера объяснять великие события, такие, например, как крестовые походы или реформация, мелкими или случайными причинами, он указывает, что «эта точка зрения не проводится последовательно, а выступает лишь изредка». «Да и какая „философская“ история, — справедливо подчеркивает ученый, — была бы возможна при последовательном ее применении?» Вполне правомочным представляется его положение, что выдвигание Вольтером в отдельных случаях ничтожных поводов в качестве причин исторических событий есть лишь «полемический прием, направленный против теологической идеи о божественном плане, не оставляющей в истории места для случайностей, а также средство унизить крайне несимпатичные ему явления, как крестовые походы и реформация, указав на их ничтожные и низменные причины»¹⁰. С аналогичных позиций рассматриваются взгляды Вольтера на роль исторических личностей.

Сказанное отнюдь не означает, что Е. А. Косминскому хотя бы в малой степени было присуще стремление к идеализации Вольтера, «приукрашиванию» его философско-исторических взглядов ссылками на «обстоятельства». В действительности наряду с сильными сторонами этих взглядов он с такой же определенностью раскрывает и их слабости, в том числе и в объяснении движущих сил истории.

Историографический метод Е. А. Косминского свое наиболее полное воплощение получил в курсе лекций по историографии средних веков. Прочитанный впервые в Московском университете в 1938—1940 гг., он и сегодня остается одним из лучших в марксистской литературе историографических исследований, продолжая оказывать плодотворное влияние не только на медиевистов, интересующихся прошлым своей науки, но и на советскую историографическую мысль в целом.

¹⁰ Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука. — В кн.: Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма..., с. 406.

Уже отмечалось, что лекции Е. А. Косминского «отличаются широкой постановкой историографических проблем в связи с историей философии и политической мысли»¹¹. Именно в этом направлении и следует, очевидно, искать секрет их современности, их продолжающегося благотворного влияния на советскую историографическую мысль. Для понимания исходных методологических принципов, которыми руководствовался Е. А. Косминский в построении своего лекционного курса, важное значение имеют его вводные замечания, формулирующие характер, задачи и структуру курса. Прежде всего обращает на себя внимание его определение самой природы историографии. «Историография с марксистской точки зрения,— указывает он,— это одна из отраслей истории общественной мысли, и она всегда ярко окрашена политикой»¹². Из этого определения вытекают три важных следствия, которые, несомненно, должны учитываться в современных дебатах о предмете историографии как особой исторической дисциплине.

1. Поскольку историография является отраслью истории общественной мысли, ее главная задача заключается в выяснении общих закономерностей развития исторического познания как формы общественного сознания. Соответственно этому основной объект историографического исследования составляют исторические концепции и теории, в наибольшей степени отражающие поступательное развитие исторической науки как особой формы социальной активности человека. Другими словами, главным предметом историографии, во всяком случае как дисциплины университетского преподавания, является история исторической мысли, изучающая развитие исторических направлений и школ, смену господствующих концепций и взглядов преимущественно под углом зрения социальной значимости исторической науки. Изучение истории исторической мысли особенно рельефно раскрывает социальную природу нашей науки, показывает действительный характер соотношения между эволюцией исторических представлений и социально-политической практикой человечества.

2. Поскольку историография является органической составной частью истории общественной мысли, ее изучение необходимо предполагает обращение к другим сферам общественной мысли, с ней взаимодействующим. Изучение господствующих в данном обществе исторических представлений и их эволюции окажется плодотворным только в том случае, если будет в надлежащей мере учитывать все социальные и политические связи, прямо или косвенно обусловившие их становление и развитие. Но тем самым в историографическое исследование включается не только выяс-

¹¹ Гутнова Е. В., Сидорова Н. А. Указ. соч., с. 18.

¹² Косминский Е. А. Историография средних веков, с. 7.

чение общих социальных факторов, влияющих на развитие исторической науки, но и обращение к данным других научных дисциплин, раскрывающих в своей совокупности ту интеллектуальную атмосферу, без учета которой оно также не может быть до конца понято.

3. Поскольку историография «ярко окрашена политикой», в число важнейших задач историографического исследования входит изучение широкого круга вопросов, связанных с выяснением взаимоотношения истории и политики. Как и всякой общественной науке, истории присуща определенная политическая тенденция, которая присутствует во всех исторических школах и течениях, оказывая свое влияние на подход к тем или иным историческим проблемам и на их решение. Вот почему выяснение политических позиций данного историка или школы составляет необходимый элемент историографического исследования.

Большой интерес представляют соображения Е. А. Косминского о характере марксистского курса историографии средних веков. Их исходную посылку образует убеждение о классовой природе исторической науки в классовом обществе. Е. А. Косминский подчеркивает: «Нашей первой задачей является вскрытие тех классовых пружин, которые так или иначе двигали историками предшествующих формаций в их построениях»¹³. Вместе с тем он предостерегает против упрощенного понимания связи между историографией и политикой, указывая на необходимость учета специфики исторического познания¹⁴. Отсюда вытекают задачи курса историографии. С одной стороны, он должен вести непримиримую борьбу с буржуазной идеологией во всех ее проявлениях, «должен учить отбрасывать негодное и обличать враждебное», с другой — учитывать достижения буржуазной историографии в объективном познании прошлого, прежде всего в области методики исторического исследования. Указывая на расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историческая наука, уточнение методики, развитие исследовательской техники, Е. А. Косминский усматривал в этом то, чему можно учиться у историков предшествующих поколений.

Сказанное, конечно, не означает, что Е. А. Косминский противопоставлял идейно-теоретические принципы методике исторического исследования или допускал независимость последней от первых. Напротив, его историографический метод исходил из признания органической связи методологии и методики, что ярко проявилось во всем его лекционном курсе. Для Е. А. Косминского совершенствование методики исторического исследования, расширение круга источников, появление новых точек их освещения неразрывно связаны с поступательным развитием методологии,

¹³ Косминский Е. А. Историография средних веков, с. 7.

¹⁴ Там же, с. 9.

общей идейной атмосферой, которая окружает историческую науку. Не случайно в его лекционном курсе анализу исследовательской методики ученого всегда предшествует рассмотрение его общих идейно-теоретических представлений в связи с характеристикой эпохи, в которой он работал. Вместе с тем продолжает оставаться актуальным предостережение против недооценки учета специфики исторической науки, не являющейся зеркальным отражением общественной борьбы.

Важная задача историографического исследования заключается именно в том, чтобы, раскрывая эту диалектическую связь, показать определяющее влияние на развитие исторической мысли господствующих в обществе политических и философских идей и внутреннюю закономерность движения самого исторического познания, не сводимого целиком к этому влиянию. Рассматривая взгляды той или иной школы, того или иного ученого, историк-марксист обязан не только раскрыть классовую основу этих взглядов, но и аргументированно показать во всей сложности и противоречивости их взаимодействие с историографической практикой данной школы или ученого. В особенности это относится к историографическим курсам и учебникам, претендующим на создание широкой картины развития определенного раздела исторической науки, так как именно в ее рамках получает наиболее рельефное освещение сам процесс исторического познания. Курс лекций Е. А. Косминского по историографии средних веков является замечательным примером такого освещения, органически сочетающего рассмотрение эволюции идейно-теоретических представлений западноевропейской медиэвистики и развития конкретно-исторической методики и исследовательской техники. Автору удалось показать достижения домарксистской историографии средних веков в ее поступательном движении и ее классовую и теоретико-методологическую ограниченность.

Для каждого, занимающегося преподаванием историографии, являются поучительными соображения Е. А. Косминского о принципах построения курса историографии средних веков. Можно выделить четыре таких принципа: 1) рассмотрение историографии средних веков в связи с более общими течениями политической и философской мысли эпохи; 2) связь курса историографии средних веков с историографией других исторических периодов; 3) сосредоточение внимания на общих взглядах рассматриваемых ученых на историю в целом и на средние века в частности, а также на их исследовательском методе; 4) изучение историографии средних веков по ведущим фигурам той или иной эпохи¹⁵.

¹⁵ Косминский Е. А. Историография средних веков, с. 8—10. Строго говоря, Е. А. Косминский формулирует еще один принцип, уделяя значительное место его обоснованию: курс историографии средних веков следует начинать не с эпохи Возрождения, как это делал, например, Э. Фю-

Особенно важной представляется мысль Е. А. Косминского о том, что задачей университетского курса историографии является выяснение наиболее общих проблем, позволяющих в своей совокупности осветить ведущие тенденции развития исторической мысли. В этом плане и решается им вопрос о соотношении общего и особенного в историографическом курсе. Безусловный акцент делается на общем, выступающем в форме господствующих философских, социально-политических и исторических идей эпохи и в виде исторических теорий и концепций, определяющих развитие данной отрасли исторической науки (в нашем случае — истории средних веков). Что же касается особенного — проблем, хотя и несомненно важных, но являющихся частными по отношению к общему процессу исторического познания, то их место в общем курсе историографии зависит от того, в какой мере их историографическое освещение помогает раскрытию общих закономерностей развития исторической науки.

Историография средних веков не равна сумме историографий отдельных проблем, составляющих в своей совокупности историю средних веков. Более того, общий и специальный историографические курсы преследуют существенно разные цели. Если, например, историография средневекового города призвана дать всесторонний анализ теорий, освещающих различные аспекты истории средневекового города, показать накопление фактического материала, совершенствование методики его обработки и т. п., то задачи общего курса историографии как истории исторической мысли лежат, как мы видели, в иной плоскости. В этой связи методологически важным представляется следующее положение Е. А. Косминского. «Я не думаю, — указывал он, обосновывая структуру своего курса, — здесь делать специальных экскурсов в историографию таких разделов, как история средневекового поместья или средневекового города или история английской или нидерландской революции и т. д., — все это задачи специальных курсов»¹⁶.

Чем более исторически значимой является данная проблема, тем, естественно, большее место ей принадлежит в общем историографическом курсе. Нельзя, например, представить себе курса историографии средних веков, в котором не рассматривались бы взгляды на переход от античности к средним векам, и это закономерно, ибо в течение долгого времени указанная проблема являлась своеобразным фокусом, в котором пересекались взгляды различных историографических направлений. Именно поэтому,

тер, а со средневековой историографии. См. там же, с. 10—12. Однако ввиду очевидной бесспорности этого положения для современного читателя и более специального, чем у остальных принципов, характера мы оставляем его в стороне.

¹⁶ Там же, с. 9.

в частности, она занимает значительное место в курсе Е. А. Косминского. Он подробно рассматривает возникновение германо-романской проблемы во французской литературе XVIII в., показывает ее развитие в первой половине XIX в., в особенности в творчестве О. Тьерри и Ф. Гизо, освещая ее под углом зрения отражения в исторической мысли борьбы основных социальных сил французского общества того времени — буржуазии и дворянства. Такая постановка вопроса позволила ему на конкретном историографическом материале показать ведущие тенденции развития французской исторической мысли XVIII — первой половины XIX в. и в то же время раскрыть существенное содержание германо-романской проблемы.

Соображения Е. А. Косминского о структуре общего историографического курса, равно как и реализация их в его «Историографии средних веков», позволяют сделать определенные выводы, представляющие для нас несомненный интерес. Общий историографический курс не может и не должен претендовать на всестороннее или детализированное рассмотрение исторических проблем, какими бы важными они ни являлись. Как подчеркивает Е. А. Косминский, это — задача специальных историографических курсов. Общий же курс должен обращаться к этим проблемам лишь в той мере, в какой их историографический анализ будет содействовать выяснению общих тенденций развития исторической мысли в связи с общественно-политической и идейной борьбой, в атмосфере и под могущественным воздействием которой протекало это развитие.

Могут возникнуть опасения, не приведет ли такая постановка вопроса к сведению истории исторической науки к истории эволюции ее идейно-теоретических принципов. Пример самого лекционного курса Е. А. Косминского, однако, убедительно доказывает неосновательность этих опасений. Выяснение закономерностей развития исторической науки невозможно без обращения к многовековой историографической практике. Все дело заключается в том, какие цели преследует это обращение. Поучительность курса Е. А. Косминского состоит как раз в том, что он демонстрирует оптимальное соотношение между изложением философских и общественно-политических концепций, влиявших на развитие исторической мысли, с одной стороны, общеисторических представлений — с другой, и наиболее выдающихся результатов конкретно-исторических исследований и их методики — с третьей. Это, конечно, не означает что невозможны другие принципы построения историографического курса. Мы хотим лишь указать на уже имеющийся удачный опыт такого построения.

Обращение к творческому наследию Е. А. Косминского представляет интерес и в другом отношении. До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о том, что же должно являться

главным объектом анализа в общем историографическом курсе — творчество отдельных выдающихся ученых, господствующие в науке теории и концепции или общий историографический процесс. Конечно, на практике в историографическом анализе имеет место фактическое переплетение всех трех элементов, что, однако, не снимает вопроса о том, на каком материале преимущественно должен строиться историографический курс.

Поучительные соображения на этот счет содержатся в лекционном курсе Е. А. Косминского. Показательна уже сама его структура. Большинство лекций посвящено освещению исторических взглядов выдающихся мыслителей прошлого от Августина до Мишле. Эти взгляды рассматриваются весьма обстоятельно (как правило, в одной лекции излагаются воззрения не более 1—2 ученых), что не только облегчает их усвоение, но и позволяет автору рельефно представить основные линии развития западноевропейской историографии средних веков на протяжении полутора тысячелетий. Таким образом, вместо калейдоскопического мелькания имен и работ, до настоящего времени встречающегося в историографических учебных пособиях, в книге Е. А. Косминского мы находим весьма ограниченный круг исследователей — действительно крупных ученых, оставивших заметный след в развитии исторической мысли, с именами которых связаны значительные достижения в области исторической теории и исследовательской техники. В работах таких историков находят свое выражение не только исторические, но и общественно-политические, философские идеи их времени. Их произведения указывают на возможности и границы исторического познания в каждый данный период развития исторической науки. Другими словами, в деятельности крупных историков наиболее выпукло отражаются общие закономерности развития исторической науки. Изучая их творчество, мы получаем возможность выявить наиболее яркие факты истории нашей науки, проследить ее существенные тенденции.

Особенно велико значение рассматриваемого метода именно для историографических курсов и учебников, призванных не только раскрывать самые общие закономерности развития того или иного раздела исторической науки, но и делать их удобопонимаемыми для учащихся. Наиболее эффективно эта задача может быть решена на ограниченном, но вместе с тем достаточно репрезентативном историографическом материале. Как раз такой материал и представляет творчество крупных историков. Более того, Е. В. Гутнова говорит даже о «портретном» методе как наиболее удобном и полезном с методической точки зрения, «так как он помогает усвоению сложного материала и пробуждению у читателей интереса к историографическим проблемам»¹⁷.

¹⁷ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в.— 1917 г.). М., 1974, с. 11.

Вместе с тем Е. А. Косминский отнюдь не абсолютизирует этот метод, сочетая его в реальной практике историографического исследования с другими приемами, позволяющими в своей совокупности наиболее глубоко раскрывать ведущие закономерности развития исторической науки. В свой курс он включает обобщающие разделы, в которых дается общая характеристика исторических и историко-философских представлений определенного периода.

Присмотримся, в каких случаях это делается. Во-первых, тогда, когда отсутствует крупный историк, взгляды которого могли бы служить выражением целого периода в развитии исторической мысли. Так, в частности, поступает Е. А. Косминский при характеристике средневековой историографии. Вслед за лекцией, посвященной историческим воззрениям Августина, идет лекция, в которой рассматриваются средневековые хроники. Формулируя ее цель, автор указывает задачу «обрисовать лишь некоторые общие, наиболее существенные особенности средневековых хроник» до возникновения гуманистического мировоззрения, «чтобы иметь отправную точку для характеристики дальнейшего развития историографии, ее постепенного превращения в научную дисциплину»¹⁸. Эта задача решается путем обобщающего анализа существенных черт западноевропейской средневековой хронистики — от ее философско-исторических представлений до отношения к источникам. Основные положения этого анализа иллюстрируются на материале ряда хроник. В лекции рассматриваются хроники Оттона Фрейзингенского, Гвиберта Ножанского и некоторые другие. Но они интересуют Е. А. Косминского лишь постольку, поскольку позволяют продемонстрировать определенные черты средневекового исторического мировоззрения.

Обращает на себя внимание одна деталь. И в этой, носящей обобщающий характер, лекции Е. А. Косминский весьма экономен в подборе историографических фактов. Многие известнейшие средневековые хроники, такие, например, как хроника Фруассара, им даже не упоминаются. Другие рассматриваются лишь в одном интересующем автора аспекте, отнюдь не исчерпывающем их содержание. Так, произведения Гвиберта Ножанского привлекаются лишь в связи с рассмотрением вопроса о степени присутствия исторической критики в средневековой хронистике; «Славянская хроника» Гельмольда приводится, чтобы продемонстрировать на ее примере характерные для средневековых исторических повествований преувеличения и несурезицы и т. д. Даже хроника Оттона Фрейзингенского, единственная, которой в лекции уделено более или менее значительное внимание, рассматривается лишь в плане характеристики господствующей в средние века философии

¹⁸ Косминский Е. А. Историография средних веков, с. 23.

истории. Таким образом, все изложение материала в этой лекции, само ее построение подчинены главной цели — раскрыть существенное содержание средневековой историографии. Цель эта успешно достигается не в последнюю очередь благодаря адекватно избранному методу отбора и анализа историографического материала.

Во-вторых, Е. А. Косминский отступает от принятого им в своем курсе метода историографического анализа в тех случаях, когда ему требуется предварить рассмотрение взглядов отдельных ученых общей характеристикой данного историографического явления, представителями которого они были. Так, анализу историко-философских взглядов крупнейших деятелей эпохи Просвещения предпослана лекция, в которой содержится общая характеристика просветительской идеологии и историографии (лекция XIV). В итоге достигается целостная картина такого сложного историографического феномена, каким является историческая мысль эпохи Просвещения, что было бы невозможно, если бы автор ограничился анализом исторических взглядов отдельных, пусть даже самых выдающихся, ее представителей.

Наконец, в-третьих, ряд лекций в своем курсе Е. А. Косминский посвящает суммарной характеристике общественно-политической мысли некоторых периодов западноевропейской истории в связи с ее ролью в развитии исторической науки. Так, специальная лекция посвящается анализу политических учений XVI в. (лекция VIII). В ней рассматриваются политические идеи Лютера и Меланхтона, монархомахов и Бодена. Свое внимание Е. А. Косминский концентрирует на трактовке этими мыслителями проблемы государства, ибо она оказала большое влияние на последующую буржуазную историческую мысль. Аналогичными мотивами руководствовался ученый, включая в свой курс раздел «Социальная физика XVII в.» (лекция XI). Подчеркивая, что XVII столетие было временем усиленных исканий в области социальной теории, отразивших успехи естествознания и воплотившихся в стремлении создать науку об обществе по образцу естественных наук, он рассматривает учения Г. Гроция и Т. Гоббса как наиболее яркое выражение попыток рационалистического века построить «социальную физику» на прочном основании общих законов физики и механики. Эти попытки по сути своей были антиисторичны. Тем не менее они составляли звено в общем процессе становления буржуазного обществоведения как теоретической основы буржуазной историографии, что и обусловило обращение к ним Е. А. Косминского в своем лекционном курсе.

Отметим также лекцию XXI, в которой рассматривается реакционная публицистика конца XVIII — начала XIX в. Обосновывая необходимость этой проблематики в историографическом курсе, Е. А. Косминский указывает на значение сформулированных в произведениях реакционных публицистов положений для осмыс-

ления определенных течений в развитии западноевропейской исторической мысли эпохи Французской революции. Он подчеркивает, что доктрины революционной историографии конца XVIII — начала XIX в. на первых порах развивались не столько историками, сколько публицистами, вследствие чего, «не познакомившись с реакционными политическими мыслителями этой эпохи, нельзя полностью понять и характер реакционной историографии этого времени»¹⁹. В этих словах — ключ к пониманию одного из важнейших принципов, которыми руководствовался Е. А. Косминский в построении своего лекционного курса. Освещая общие закономерности развития исторической мысли, ученый в той мере, в какой это представлялось ему необходимым, включал в свой курс данные смежных дисциплин, помогающие раскрыть эти закономерности. Тем самым он добивался того характерного для всего курса рассмотрения развития исторической науки в органическом единстве с движением философской и общественно-политической мысли, которое подчеркивалось выше.

Таким образом, историографический метод Е. А. Косминского значительно шире чисто «персоналистского» принципа освещения истории исторической науки. Его характерной чертой является своеобразная гибкость, отсутствие заданности в подходе к историографическому материалу. Напротив, сам этот материал определяет характер и приемы его анализа. Отсюда вытекало свободное построение курса, в котором лекции, посвященные историческим взглядам отдельных крупных ученых, перемежаются с лекциями, дающими общую характеристику развития исторической мысли на определенном ее этапе или рассматривающими философские и общественно-политические учения известного периода. В итоге Е. А. Косминскому удалось воссоздать широкую картину движения исторической мысли XVIII — середины XIX в., которая раскрывала существенное содержание процесса становления западноевропейской медиевистики и в то же время далеко выходила за эти рамки, освещая закономерности развития исторической науки. В этом отношении курс «Историография средних веков» и сегодня, через 40 лет после того, как он был впервые прочитан, продолжает оставаться новаторским, глубоко современным.

Конечно, избранный Е. А. Косминским путь построения историографического курса не является универсальным и не исключает возможности создания полноценных марксистских учебников и учебных пособий по историографии с иной структурой и иными принципами отбора и подачи материала. В настоящее время советская историческая наука имеет в своем активе целый ряд учебников, учебных пособий и лекционных курсов по раз-

¹⁹ Косминский Е. А. Историография средних веков, с. 274.

личным разделам историографии отечественной и всеобщей истории. Они свидетельствуют о возможности и даже необходимости существования в рамках марксистско-ленинской методологии разных типов историографических пособий, подчас в определенном смысле дополняющих друг друга.

Разнообразие типов историографических пособий не снимает, однако, вопроса о поисках наиболее оптимальных форм университетского преподавания истории исторической науки. «Историография средних веков» Е. А. Косминского представляет, на наш взгляд, тот тип историографического пособия, который в наибольшей степени отвечает современным требованиям университетского образования. Не останавливаясь на деталях, его курс концентрирует внимание читателя на самых существенных тенденциях развития исторической мысли, рассматриваемых в контексте всего духовного развития общества. Не пренебрегая на всестороннее освещение истории исторической науки, такой курс своей структурой и всем содержанием образует необходимую методологическую основу для самостоятельного овладения историографическим наследием, т. е. на своем материале и своими средствами содействует решению той задачи, которая сегодня является одной из главных, стоящих перед советской высшей школой: учить своих питомцев творчески мыслить, уметь использовать полученные знания как основу для приобретения новых.

Значение лекционного курса Е. А. Косминского этим не ограничивается; он представляет собой совершенно самостоятельное исследование в области историографии, что в последнем счете и определяет его место в истории советской исторической науки. Созданная в годы, когда в марксистской литературе вообще отсутствовали обобщающие историографические исследования в области всеобщей истории, являющаяся продуктом большой исследовательской работы выдающегося знатока исторической литературы и блестящего мастера конкретно-исторического исследования, «Историография средних веков» вместе с опубликованным в это же время известным учебником О. Л. Вайнштейна закладывала основы марксистской историографии медиевистики.

Оценивая сегодня ее научное значение, важно подчеркнуть, что здесь впервые была предпринята удачная попытка марксистского синтетического исследования большого раздела всеобщей истории. Научная заслуга Е. А. Косминского заключается в том, что он не только сформулировал принципы историографического исследования, но и реализовал их в своих произведениях. Творческое овладение историографическим наследием Е. А. Косминского, прежде всего его методом, является предпосылкой дальнейшего поступательного развития советской историографии.